

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения,
доцент, член Союзов
художников СССР и Казахстана

МОЯ АРМЕНИЯ

Посвящается Себастьяну Киракозову

«Звезды в твоих глазах»

Голос Твой дрожал и срывался, но Ты делал паузы, пытаясь улыбнуться и развеселить меня. Я из Ленинграда звонила Тебе в Тбилиси. Ты сутками дежурил у постели отца, в больнице. Художник, сын художника, Ты, как никто, чувствовал боль и редкую радость слабеющего человека, вложившего в Тебя всю душу, свою любовь, профессию, веру. Ты звал меня прилететь, сдал экзамены. Но заикнуться об отсутствии денег я не могла. И выпалила: «Я буду молиться! Вот увидишь, Папа поднимется, мы с ним увидимся! А с тобой мы встретимся в Алма-Ате, ты встретишь меня, да? Кланяйся Ему от меня!»

И Ты улыбался, дыша в трубку: «Обязательно! Отцу так и скажу. И мы прилетим вместе, да?» – «Да, да, конечно, очень скоро, я жду!»

Потом таинственным голосом сообщил: «Я привезу тебе музыку. Руиз. “Звезды в твоих глазах”. Тебе понравится, я знаю». И мы засмеялись. С музыкой так было всегда.

У Макума. Музыка

Макум Кисамединов казался мне необычным, ни на кого не похожим графиком. Он, как никто, «слышал» музыку души Хемингуэя, одного из любимых моих авторов. И в его листах все предстало феерией красок вечной степной жизни: в юрте, в пустыне, на открытом бескрайнем просторе. Рядом творил Салихэтдин Айтбаев, в графике совсем иной, нежели Макум, но органичный и мощный в живописи. Ты естественно и прочно был всегда близок с этими художниками, как и со множеством других единомышленников.

В тот день Макум показывал мне свою новую серию, когда кто-то, неслышно отворив дверь, вошел в мастерскую. Это были Ты и Калжан, как все звали Айтбаева. Работа прекратилась. Стол обратился в дастархан. Появилось вино. И через пару минут завязался спор. О музыке. Классика и джаз у вас в особом пиетете. Мне хотелось скрыться – никогда не любила застолий с питием. Но мой дорогой, заспорив, стал отстукивать ритм ладонью по столу, спрашивая: что это? И знаток Калжан смешался. А Ты поглядел мне в глаза, и, не выдержав, я бросила: «Но

это же Моцарт! Ваш любимый! “Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный!” Керубино!» Изумленно взирая на меня, Салихэтдин с досадой бросил: «Откуда ты знаешь?» Мы обменялись с Тобой взглядами: «Мне пора! Увидимся вечером!» И Макуму: «Спасибо! Всего доброго!» И убежала.

А музыка? Тот пласт, что привез Ты мне из Тбилиси, я не увидела. Ты печально извинялся: «Знаешь Сашу Татарина? Хороший парень. Скульптор наш, мухинец. У него проблемы дома. Он очень переживает. Ну, я ему отдал, для жены!» И я легко простила, потому что знала: Ты прав. А вскоре в Питере встретила эту пластинку и привезла домой. Ты улыбался.

Беседы за столом

Нам привелось не раз уединяться от друзей. В пельменных. Это была разновидность кафе. И всегда, к счастью, было малоллюдно. А поскольку «разговорный жанр» у нас был не в чести, то эти беседы были крайне редки. И больше молчания, чем слов. Не было в них необходимости. Однажды к нам, тихо извинившись, подсел седой худошавый человек и, пристально глядя на Тебя, вымолвил: «Я наблюдаю за вами давно. Дорогие мои, вы – молоды, не знаете жизни. Она краткосрочна. Берегите друг друга, цените каждую минуту. А ты – люби ее и оберегай. Вы – пара!» И благословил широким знаменем. Я страшно смутилась. А Ты, сильно побледнев, сказал: «Спасибо, Отец! Ты очень добр. Будь здоров, живи долго!» И мы ушли. А он остался стоять с поднятой в благословении рукой.

В другой раз мы больше смотрели в окно на площадь перед стадионом и снующие фигуры пешеходов на проспекте Абая. Я только что вернулась из Питера и не знала, с чего начать рассказ. Твои друзья, став моими, обязательно передавали Тебе свои послания. Одно из них, от Лены Успенской, жены Твоего близкого друга-художника, начиналось словами: «Солнце наше, Себ, мы все тебя любим и помним. Приезжайте, прилетайте, ждем!» И Ты, лукаво усмехнувшись, вопрошал: «Ну что, полетим?» На что я ответила сразу: «Сначала к тебе домой, в Тбилиси!» И Ты, важно распрямляя плечи, заявил: «Само собой! А как же твой Питер?» Запальчиво возразила: «Он ведь – твой сначала! А потом – мой!»

И тут что-то произошло. Мне, в принципе, было хорошо известно Твое энциклопедическое знание мировой истории искусств. И Твои приоритеты в этой области. Как и в музыке, и поэзии. Относительно здешних, алматинских, казахстанских мы не делились мнениями. Но и так все было ясно. По кругу Твоих друзей. А здесь, сейчас, раздался Твой сдавленный голос: «Скажи, кого из художников считаешь лучшим. И есть ли такой?» На что сразу ответила с вызовом: «Зачем спрашиваешь? Ты же знаешь сам – это Сидоркин Евгений Матвеевич.»

Долгая пауза, Твое молчание. А потом я спохватилась: «У меня обед кончился. Надо бежать в музей». А прежде мы спускались сюда по пустырю среди цветущих розовых и белых мальв, медленно, молча, наслаждаясь тишиной и... этими минутами.

Случайные совпадения

Но ничто не случайно в этом мире. И калейдоскоп событий, дней, часов, минут высвечивает стройную мозаику жизни, что дарит тебе Судьба. Так, не вдруг, но все отчетливей стала я сознавать связь Алматы, Питера, Тбилиси и Армении со всем миром в своей жизни. С раннего детства.

С рождения в нашем доме слышалась украинская и русская речь. Это, оказалось, были соседи родом из Ленинграда. Они, естественно, принимали участие в жизни молодой пары. Папа вернулся из Питера, окончив Институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Мама – аспирантка-историк и студентка иняза. Я была всегда в окружении любящих, заботливых соседей. И в яслях – ленинградские воспитатели. И в детском саду. И ровесники с этой поры, и в школе, 25-й, легендарной, были в подавляющем большинстве – дети интеллигенции, питерцев. Кто об этом задумывался? Но всегда звучала в наших домах музыка, классика, были отличные библиотеки. А вокруг – сады и палисадники, арки с горной водой, яблони, урюк, шелковник, карагачи, березы, ясени, тополя, сирень... И золотые шары, флоксы, анютины глазки, фиалки, розы, пионы, нарциссы... И песни, трогающие душу, народные и те, что пели по радио и телевидению известные певцы... А пианино, привезенное из Германии, марки «Гербшадт», было единственным. Это отец через друзей питерцев и москвичей постарался для меня, шестилетней. Через весь Союз на поезде проделал путь этот чудо-инструмент с рояльным звуком и чистотой магической, и был бережно внесен в нашу первую крошечную квартиру на Курмангазы – Интернациональной. Круг друзей семьи стал мне ясен много позже. Это – светила науки и культуры, бывшие, естественно, поклонниками красавицы-эрудита – мамы моей и счастливого отца. А мне доставалась в наследство их тяга к прекрасному и страстная увлеченность своим делом. И вера в будущее родной земли.

А Ты все это чувствовал «порами», каждым нервом богатой и щедрой природы своей. Просто кровь предков говорит в это время в полный голос. Увидев впервые маму мою, ощутил – это Твой Дом. То, что приходит и остается с рождения, как молитва о счастье. «Знаешь, твоя мама и мой отец, они похожи!» – заявил мне единожды, пристально глядя, в ожидании реакции. Я молча кивнула. Какие тут нужны слова? А это был неслышный разговор о духовном. И, конечно, о тайне происхождения. В те времена подобные вещи не приветствовались. И мама моя, и Твой отец – родом из дворян, древнего рода...

Неслучайными оказались и мои отношения с Вирко Борисовной Блэк, педагогом истории Древнего мира (Египет и Передняя Азия, Междуречье). Ее в Академии побаивались. А я, влюбленная в ее материал, сдавала экзамен в два приема: два часа – в первый день, два часа – во второй. Так она захотела, сказав, что подобного отношения к Египту не встречала. Но Нефертити с младенчества была моей главной царицей Востока и эталоном красоты. «Это ведь о ней Пушкин воскликнул. “Чистейшей прелести чистейший образец!”?» – спросила я свою педагогиню, и она, всегда неприступно-строгая и неулыбчивая, звонко расхохоталась. А о Междуречье, задыхаясь, я рассказывала, как о родине, описывая архитектуру, обычаи и особенности этих древних мегагородов со всем пылом страсти. «Они – подлинные восточные гении», – утверждала я свои впечатления о строителях той эпохи.

Словом, Вирко Борисовна стала ко мне тепло и приветливо обращаться, пригласила в их дом, познакопив с чудо-женщиной, хрупкой среброглавой особой, которая, оказалось, была скульптором, и – ее мамой. И вот из ее рук я принимала чай. Но удивило другое. Она подняла чашу над головой, на свет люстры и спросила: «Ты видишь, девочка? Это раритет из Китая. Видишь прожилки? Это – ручная работа, подарок. Нравится?» – «Что Вы? Столь древнее чудо и – в быту? Можно ли?» – «Нет, девочка, не в быту. Это – в твою честь! Будь счастлива! Вот и Вирко так желает!» А моя суровая наставница, порозовев, бегала из гостиной в кухню, ухаживая, и вся светилась. Это ли не чудо?

А еще один мой педагог навсегда стал моим эталоном. Это – Демидова Ирина Александровна. Высокая, статная, низкоголосая, она с первого взгляда при-

тянула к себе мое сердце. Что-то близкое, родное было в ней, во всей ее стати и неотразимой неприступности. Наверное, порода. Она предупредила мою группу сокурсников сразу: «Французскому языку тех, кто прежде изучал английский и немецкий, не обучу, не приму. На следующем занятии это учтите». Строго? О, да. Но что-то заставило меня, трепеща, явиться на следующую лекцию. Я старательно повторяла за ней задание. И артикуляция не подвела. Но она догадалась. Или узнала. Ведь у меня был английский. А потом была моя болезнь, больница, отъезд домой. И звонки и письма сокурсников: «Приезжай! Скорей поправляйся! О тебе спрашивает “француженка”. Говорит: “Пусть возвращается. Я ей буду индивидуальными уроками давать!”» Это согрело сердце и очень помогло. А в Питере мы уже при встрече... обнялись. И встречались, переписывались всегда.

О Тебе она сказала: «Тебе будет нелегко, девочка моя! Но это судьба всякой большой любви. И выбор – за тобой!» Спасибо, я это помню всегда и благодарю всей душой.

Родство душ

Мы с Тобой никогда не ссорились и не спорили. Почему? Не знаю. Но, молча переживая и радость, и восторг, и горечь, несли в себе, словно бы накапливая энергию радости. А потому что-то обсуждать или осуждать не было надобности. Хотя вовсе безоблачной нашу жизнь назвать нельзя. Я с детства повторяла слова из песни Эдит Пиаф (в переводе Натальи Кончаловской):

Пусть падет лазурный небосвод,
 Пусть разверзнется земная твердь,
 Если в сердце любовь живет,
 Не страшна мне даже смерть!
 Я покорно и смиренно
 Побреду на край Вселенной,
 Если ты прикажешь мне.
 Я с небес звезду достану,
 Для тебя кем хочешь стану,
 Если ты прикажешь мне.
 И быть может, всем смешная,
 Проведу весь век одна я,
 Если ты прикажешь мне.
 Вечность мы с тобою обретем,
 Там, где Небо любящих встречает.
 И в чертоге золотом
 Может, Бог нас обвенчает.

Это детское впечатление от трагической и бесконечной любви дивной певицы и женщины – «воробышка» было столь сильным, что не забывалось никогда. Аналогий я не проводила. Мала была еще, наверное.

А однажды, после трудного дня, приблизилась к Тебе лежащему, боясь разбудить. А Ты, подняв веки, вымолвил: «Ну, что ты так долго? Я же жду. Поздно уже. Утром тебе – на работу... А я...» И замолчал. Устало положив Тебе руку на грудь, вдруг призналась: «Знаешь, мне от тебя ни-че-го не надо. Только вот так дышать рядом». Долгая минута молчания. А потом Ты выдохнул: «Вот это и есть родство душ». И крепко обнял.

Как варить мацони

Поздней ночью в Твоей мастерской было очень тихо. Ты молчал, о чем-то глубоко задумавшись. Решилась спросить: «Ты в Тбилиси обещал. Расскажи рецепт мацони. Ведь айран все же немного отличается, да?» – «Ну, это можно». Ты приподнялся на локте и очень серьезно начал: «Сначала надо взять большое ведро. Эмалированное. Очень большое. И налить туда кислое молоко. До верха». Ты встал и направился к окну. Открыл. Закурил. Молчу в ожидании. А Ты молчишь, докуривая сигарету. Наконец вернувшись, лег. Не выдерживаю: «А дальше?» Ты удивленно: «Что – дальше?» – «Ну, после что делать?» – «А, ты об этом? Ну, закрыть крышку. И оставить до утра». И умолк надолго вновь. Но я-то жду завершения! «И что потом делать?» – «А-а... Ну, утром берешь большим пальцем правой ноги, зацепляешь крышку, приподнимаешь и... все! Готово!» И перестал дышать. «Он что же, уснул? – ужаснулась я. – Но ведь такого не может быть! Почему – ноги? Зачем?» А Ты, раскинув руки, изобразил храп. И я взорвалась: «Ты что, издеваешься? При чем здесь мацони? Какая нога? Чего ты так развеселился?» А Ты, захлебнувшись, вытирал кулаком слезы: «Ну, слава Богу! А ты, я думал, вообще никогда не злишься!» Сгреб в охапку и замолчал, довольный.

Моя академия

Питер мой реально начался после детских мечтаний лишь в дни поступления в институт. Никого напрочь не замечая, я, как сомнамбула, сутками бродила с книгой в руках. Благо, дивные белые ночи! И пульсировала лишь одна мысль – хочу учиться в этом великом храме Науки и Культуры, в этом благородном здании Кокоринова – Деламота, где провели лучшие свои года гениальные художники Александр Иванов и Карл Брюллов, Репин и Крамской, Левитан, Врубель, Серов! Да разве всех перечислишь? Это они составили славу русской нации, прогремев на весь мир.

И сюда, полные надежд и горения, приехали из моего Казахстана Хакимжан Наурызбаев и Сахи Романов, Толеген Досмагамбетов и Али Жусупов, Марат Айнеков и Ескен Сергебаев, Сабила Кумарова и Камилла Ли, Рауза Копбосинова, Е. Б. Вандровская, Г. М. Исмаилова, М. Кенбаев и С. Мамбеев, К. Тельжанов и многие художники и теоретики искусства, став гордостью своей Родины.

Бережно пестуются профессионалы своего дела под этими сводами. А народу необходимо знание своих корней, первоисточников собственной культуры и истории. И в запасниках Академии художеств Санкт-Петербурга, в его Научной библиотеке и Музее хранится универсальная кладовая мудрости и художественного гения, достойная впитывания и подражания. Благо, ныне наш Музей им. А. Кастеева осуществляет контакты с этой сокровищницей, представляя творчество лучших из лучших казахов на общемировом уровне в этих пенатах. Гордость и радость моя безмерна!

Но есть одна особенность в наших институтах. Здесь студенты ведут вечную войну «на прочность и славу». И «академики» не в чести у «мухинцев» и «суриковцев». Ты мне это дал понять, страшно удивив. Но не обидев. Информация к сведению.

Наверное, нужна одержимость одной идеей, чтобы переступить в себе черту «неверия в собственные силы». Именно так, при конкурсе в 13 человек на место, случилось со мной. Повезло? Может и так!

Но я много позднее прочла слова А. Блока. И они стали заповедью. «Если ты о чем-то страстно мечтаешь, то оно обязательно сбудется. Если сбылось, но не так, то и мечтал не так, а если не сбылось, значит, и не мечтал вовсе!» Голосом Михаила Козакова с экрана телевизора это прозвучало столь спонтанно, нечаянно и так вовремя, что я пораженно остановилась. Вот он, ответ на все мои сомнения. Значит, мечтала по-настоящему.

А ответ на вопрос о смысле бытия дал мне Олжас Сулейменов. Это его книжку ранних стихов носила я с собой всюду в дни поступления. Смысл слова «айналайн» он подарил, как напутствие в жизнь и в грядущее.

Кружись, айналайн, Земля моя!
 Как никто, я сегодня тебя понимаю,
 Все болезни твои на себя принимаю.
 Я кочую, кружусь по дорогам твоим!

Мой «соперник» Ромка Петросян из Еревана стал «болельщиком». И я поделилась с ним тайной слова «айналайн». Он онемел: «Не может быть! Но ведь у нас это же слово есть – цава танэм! Обращение к любимому человеку и... Что еще можно почитать у Олжаса Сулейменова?» – «Земля, поклонись Человеку!» – «Я знаю. А еще?» Впоследствии засыпал меня вопросами и массой впечатлений. Письма, звонки, встречи в Питере и Ереване. Сразу принял меня Спартак Сергеевич, отец, определив: «Саулик – друг Ромы и нашего дома».

А Ты, впервые переступив наш порог, увидел портрет Олжаса и ревниво спросил: «Любишь?» Я взорвалась: «А кого еще любить?» И на портрет Модильяни: «Что за пижон?», не разглядев в полумраке. «И его люблю!» В спину услышав сдавленное: «Я тебя завоюю».

Тебя сразила моя реакция: «Крепости завоевывают, чтобы затем разрушить, не так ли?» Но то был День моей Мамы: ее рождения. Молодая, прекрасная, она была неотразима. Ты явился с другом-коллегой Соболевым и картиной под мышкой – это была «Мелодия». Красноватой сангиной на холсте Ты прописал облик нежной прозрачной девы со свирелью, глядящей прямо на нас. Ныне он – главное украшение моего дома. Я спешила на свидание и, вернувшись через 15 минут, услышала отповедь: «Что, каждый день у Мамы день рождения? И где ты ходишь?» Я в негодовании заявила, что мама – в курсе, это – с ее позволения, и вообще... Ты шагнул следом за мной в комнату, разглядывая «изображения». А потом, в комнате, где был накрыт мной праздничный стол и Коля развлекал какими-то байками Маму, услышала тихое: «Все равно – пижон!» Это в отместку за любовь к Модильяни, чей портрет висел в моем изголовье.

Но вот что интересно. Именно тогда и там, в Питере, Армения впервые стала мне ближе и ярче, чем прежде, по книгам и картинам, стихам В. Брюсова, О. Мандельштама, Анны Ахматовой. Их переводы – блистательно яркие и глубокие, пронзали до боли. Это позже я штудировала книги Ираклия Андронникова, не только углубляясь в труды о любимом Ю. М. Лермонтове, но принимая творчество и судьбы армянских светил. Потом были Геворг Эмин и Паруйр Севак, стихи А. Белого и А. Исаакяна, труды Лидии Дурново и книги А. Битова, С.Параджанова... И, конечно: музыка Комитаса, песни ашугов (в записях), симфонии Хачатуряна и Таривердиева, как и балеты, камерные концерты, музыка кино, песни...

Судьба словно готовила меня к встрече, которая станет судьбой.

Предыстория

С детства воспитанная мамой на лучших классических образцах: музыки, поэзии, литературы, живописи, еще в музыкальной школе и первом классе хореографического училища я чувствовала страстное влечение к искусству. Театр вмещал в себя всё! И потому меня водили на спектакли и Театра оперы и балета им. Абая, и Русской драмы, и Казахской драмы, и в ТЮЗ со всей возможной частотой, не реже двух-трех раз в неделю. И поглощая репертуар во всем его разнообразии – от «Зайки-Зазнайки» и «Красной Шапочки» до «Укрощения строптивой», «Болеро», «Лебединого озера» и «Бахчисарайского фонтана», я уже к десяти годам имела предпочтения. Так, наш «Севильский цирюльник» смущал немоцартовской трактовкой, отсутствием того артистизма и блеска, что необходимы для партии Фигаро. В «Лебедином озере», где «Одетта-Одиллия» танцевались одной солисткой, мне недоставало виртуозности и чувства полета в исполнении наших балерин. А в «Шурале» меня заворожил Заур Райбаев, только что вернувшийся из Москвы после окончания института. Покоряла работа художников сцены. Декорации были столь сказочно нарядны и причудливы, костюмы героев выразительны и эффектны, так гармонировало все с музыкой оркестра и голосами и движениями, танцем актеров, что... Я словно оставляла там сердце, уходя из зала. И рвалась вновь и вновь к этому чудо-зрелищу – действию.

Но всерьез родители мои этих увлечений не воспринимали. Да, я закончила музыкальную школу, оставив хореографию, занималась художественной гимнастикой, а потом... «Ты собиралась быть врачом, надо готовиться всерьез к серьезным дисциплинам: биологии, химии, математике и пр.» Полагалось увлечение искусством считать «временем для досуга. Не более». И я всерьез готовилась к медицине, штудирюя учебники по точным наукам и углубленно изучая анатомию. Подружилась с медицинской энциклопедией и учебниками для мединститута первых курсов. Бывала в Мединституте и в больницах (благо, множество родственников – известные специалисты сферы здравоохранения). Но к девятому классу словно что-то во мне «сломалось». Я стала задумываться о том, что профессия хирурга – одна из лучших на свете! – возможно, не для меня. Коллеги отца часто говорили мне, что хороших специалистов-врачей – много, а теоретиков искусства – нет. Что надо учиться в Москве или Ленинграде, дабы получить истинно высшее образование, да и нет у нас такого вуза пока. И сулили горы открытий в музеях и концертных залах и театрах этих городов. Решиться было непросто, так как родители категорически были против моего отъезда из Алматы. И тогда случилось чудо...

Почти незнакомые юноши-художники, выпускники нашего художественного училища, узнав о моих переживаниях (от кого? неужели от служителей галереи, куда я была принята экскурсоводом?), предприняли грандиозную акцию. Сокрушенно прося выручить, они взяли мой паспорт, дабы по нему – я, якобы, очень похожа, – приобрести авиабилет для сестренки. А назавтра вернуть документ. Я согласилась, сочувствуя их переживаниям. На другой день, вручая паспорт, оба молодых человека, Булат и Володя, стали спешно раскланиваться, удаляясь. Уже уходя, я заметила голубой краешек, торчащий из-за обложки паспорта. Раскрыв, обнаружила авиабилет. Стремглав развернувшись, бросилась догонять молодых людей, окликая со смехом: «Вы забыли, забыли главное!». Но Булат, приостановившись, замахал руками и попросил: «Ты посмотри, прочти!» Недоуменно став на месте, открыла билет. А там – моя фамилия и рейс на Питер через Москву. Через 2 дня! Я ведь уже опаздывала со сдачей документов. Глядя на них, сдав-

ленно сказала: «Но я ведь... У меня... Как же я смогу отдать...» На что Булат с важной миной, пятясь, заявил: «Ну, ты же поступишь. А потом выйдешь замуж. И твой богатый толстый муж...» Не выдержав этого сардонического выпада, кинулась догонять. Но мои спасители уже издалека выкрикнули: «Да ты не волнуйся, Саулеша! Мы тут «халтуру» сделали, денег – тьма. Сейчас полетим в Москву поступать, а потом, может, встретимся в Ленинграде!» И скрылись в Парке панфиловцев, что был рядом с Галереей. Я растерянно стояла, глядя на билет, когда сзади, тихо приговаривая, кто-то приобнял меня: «Ну вот, девочка, видишь, все и получилось. Беги, оформляй документы, пиши заявление и – за медсправкой. А ребята-то – молодцы! Видишь, какие сознательные!» – это скороговоркой произнесла Клара Моисеевна, молчаливая старушка-смотритель. Днем раньше она переживала, укоряя меня – зачем дала паспорт незнакомым людям. А художники – народ ненадежный, несерьезный. И теперь оказалась свидетелем разыгравшейся сцены. Видимо, на глазах у меня были слезы. Она пухлой ручкой коснулась моих волос, вытерла глаза и пообещала: «У тебя все получится».

А ведь эти же слова с убежденностью и напором говорили мне весь год удивительные люди, посланные мне судьбой – или Богом? – уверяя, что нет у меня проблем. И Павел Яковлевич Зальцман, и Елена Борисовна Вандровская, и Виталий Васильевич Старков, и Юрий Богданович Туманян, и Гульбайрам Исмаилова, и Камилла Ли... А Сабилла Бекжановна Кумарова строго и четко напутствовала: «Прекрати дрейфить! Сходи в Минкультуры за направлением! И в Союз художников! И ничего не бойся, ты сможешь, я знаю!» А говорила она мне это с балкона второго этажа роддома, где только что родила второго сына, Сабрика.

В поликлинике врач запротестовала: «Девочка, а что я маме твоей скажу? У тебя ведь сердце! Куда ты с этим?» Но сдалась, дав обещание маме не говорить ничего. И как же было со всем этим не поступить? А доверие, вера в меня таких людей! И судьба словно улыбнулась, ведя меня за руку к победе. Из 17 человек, приехавших из Казахстана учиться очно, оказалось, была принята я одна. Не было головокружения от успеха. Совсем другое – до глубоких обмороков, как следствия «голодовок». Средств на пищу просто не было. Папа ничего не знал. А мама не могла. Но зато – какой восторг победы – сбылась мечта! Я – в этих стенах, и уже не гость. Как стучало в висках олжасовское: «Мне для гармонии – она!» И это об Академии художеств, теперь – моей!

А Ромка? О, конечно, он страшно переживал. Не столько за свое поражение, сколько о несбывшихся ожиданиях своих родных и близких. И мое сопереживание, конечно, тронуло его. Утешать я не стала – от этого больнее. Просто сказала: «А ты все равно поступишь! Вот увидишь!» И на следующий год, вновь не пройдя по конкурсу, он вернулся домой и поступил на юрфак университета Армении, став первоклассным профессионалом (потом долго работал в Москве).

Он, не переставая, удивлялся потом моим познаниям в сфере, ему родной. Как было объяснить это магическое влечение к древней культуре его народа? Да и к чему... Оказалось, все это – предыстория. А в Алма-Ате, совсем рядом, ждала меня встреча, изменившая все. Хотя!..

Впервые

В неполные 15 лет я однажды увидела фантастическое зрелище. Медленно, как бы рапидом разворачивалось в воздухе гибкое длинное тело, выбрасывая грациозно и хищно длинные ноги и запрокинув голову. Так изображают бегунов на греческих кратерах. А сестра тихо произнесла: «Это такой художник, его все зна-

ют здесь, он догоняет свою девушку». Мы, не дыша, наблюдали за этим бегом-полетом, пока он не скрылся. И я забыла. Лица даже не видела, лишь пластику летящего тела атлета.

Через семь лет, в Кзыл-Орде новая встреча. Питерский молодой инженер Андрей, сосед по этажу гостиницы, настоял на знакомстве с «классным парнем-художником». И вечером привел. А на меня глянули громадные черные глаза печального атлета-ребенка.

И – новая встреча через год в кругу старших друзей-художников. Когда, войдя в мастерскую известного живописца, я перестала видеть и слышать. Он поднял глаза: «Ты здесь?» – «А Вы вернулись?» – «Да, совсем». И все остальные что-то говорили, рассказывали, спрашивали, а я сидела в углу с Игорем Корогодиным, слушая его рассказы о горах. Друг моего любимого, он, оказалось, понял все сразу и не отпустил меня, пока все не разошлись. Под хмельком, довольные и brave, с хозяином мастерской поднялись не без труда и позвали меня к друзьям в другую мастерскую. Игорь попрощался и ушел. А я потерянно взирала на двух богатырей, обнявшихся, улыбаясь, и зовущих, открыв чужую дверь. На пороге появилась статная миловидная женщина более старшего возраста. Они прошествовали вглубь, а мне хозяйка приветливо и властно предложила войти и располагаться. Так я впервые увидела художника Ирину Ярему, дабы потом близко подружиться и писать о ней.

Словом, мне пришлось в этот поздний зимний вечер сопровождать «веселых и хмельных» художников «до места». Чудовищная нагрузка! И не только эмоциональная! Я старалась подставить им руки и плечи, «чтобы не упали!». На другой день сослуживица изрекла: «А мне по телефону сказали, что ты вчера в ночи вно сила в трамвай двух пьяных гениев». Она посмеивалась с высоты своего жизненного опыта и возраста, а я не нашлась с ответом. Легенды и сплетни, окружавшие его в Алматы, были как бы обыденностью. Но где мне было догадаться? И встречи продолжали удивлять и радовать.

На курорт, к морю

Вы бывали на Черноморском побережье в осенне-зимнюю пору? Тогда Вам не стоит труда представить все «прелести» курортного отдыха в крупных санаториях высшего ранга. Мне же повезло – о чем я вначале не ведала – невероятно.

Путевка профсоюзная, первая в жизни. Туда по железной дороге, с пересадкой в Москве. Завершив тем летом учебу в любимом Питере, умудрилась к осени вконец разболеться, даже напрочь лишиться голоса – а это искусствоведу, работнику Музея искусств, грозит дисквалификацией. Словом, в поезде, погружаясь в убаюкивающий ритм колес, подумала: как хорошо, как удивительно, что я вновь держу путь в сторону дорогого мне города, пусть даже не доезжая...

В Москве с изумлением обнаружила за окном снег. Причем мороз был не умозрачительным. Недаром брат настоял взять с собой дубленку, хотя я бурно сопротивлялась. Попутчики в купе – двое молодых людей, отслуживших в армии и решивших продолжать военную карьеру, ехали в училище в Калининград. Видя мое «потустороннее» состояние – я почти не вставала, не хотелось есть и с кем-либо общаться, они обнаружили чудеса доброты и галантности. Бегали за чаем, уговаривали что-то поесть, пытались разговорить. Пока не убедились, что «с голосом у меня всё в порядке – его нет». Сиплое шипение и писк – не вариант. Трое суток длилось это бесконечное передвижение. Они оставили мне подробное описание своих планов и адреса – зачем? А я напоследок написала в благо-

дарность свои почтовые координаты и адрес места лечения: Адлер, санаторий. Предоставив меня заботам проводницы, они удалились. А та поразила. В пустом вагоне, задержав меня в своем служебном купе, напоила великолепным чаем с какими-то травами, накормила и встревоженно поинтересовалась: «Ну, и куда ты теперь?» Показала билет, что-то шепча. Она всплеснула руками: «Господи, да как же ты одна? Там, у нас дома, в Сочи сейчас тепло, солнце, но тебе-то надо еще добраться до Курского вокзала! А мороз сильный!» Словом, экипировав меня по-зимнему, со вздохами намеревалась помочь, сопроводив до места. Мы уже выходили на платформу, и вдруг!.. Подбежав, юноша выхватил мою сумку и, подставив плечо, сказал: «Давай, опирайся! Мы тоже с Курского едем!» Проводница расхохоталась: «Ну, вот и хорошо. Приезжай, девочка, ко мне домой, я скоро там буду!» И протянула свой адрес.

Оказалось, это попутчик с другом сообразили, что в моем состоянии рискованно самостоятельно передвигаться. Тем более что я не ориентировалась в местоположении этого вокзала... Вот Слава и помчался назад, а Володя на вокзале уже ждал. Но не все так просто. Выяснилось, что мой поезд «отчаливает» поздно, почти ночью. И эти 6-7 часов надо где-то провести. Ребята ненадолго задумались, посоветовались и, отнеся мои «вещички» в камеру хранения, тепло попрощались. И тогда я решилась. К друзьям-москвичам в сем неприглядном виде, без голоса и сил, показываться вовсе не хотелось. Потянуло в центр, на любимую улицу Неждановой, к консерватории, с которой впервые начиналась встреча моя с Москвой и ее старожилами. Добралась до кассы концертного зала с памятником П. И. Чайковскому в густых морозных сумерках. Билетов нет, уже начало концерта. Кто? Боже, это же Гидон Кремер! И некто за спиной тихо вопрошает «Хотите, пойдем со мной? Есть билеты! Прямо сейчас, уже начало...» Кассир с улыбкой, кивая, подсказала: «Иди-иди, девочка! Тебе понравится!» И мы вошли. Оказалось, очень удачные места. Партер. А об акустике говорить не приходится – она великолепна!

Словом, фортепианный вечер подарил сказочное настроение – полетное! Это были Бетховен, Шуберт и Шопен! Не хотелось уходить! И публика долго, стоя, бисировала в восторге.

Наконец, опомнившись, я испугалась: неужели опоздала на свой поезд? Предупредительный мой сосед внушал доверие мягкой деликатностью. А я с изумлением поняла: голос мой «прорезался», правда, слабо. Но это поразило. Неужели такова сила терапии радостью музыки, любимой музыки?

Оказалось, до отъезда время еще есть. До вокзала близко. И мы пошли в дом к новому знакомому – совсем рядом. Напив чаем и выспросив о планах, с сожалением признался, что «на море» не бывал. И сопроводил на Курский, снабдив своими данными и прося на обратном пути обязательно позвонить и приехать в гости. Возле поезда, совершенно не понимая происходящего, обнаружила Славу с Володей. Они оглядели моего провожатого, поприветствовали, забрали у него мою сумку, доставленную им из камеры хранения, раскланялись и по-хозяйски предложили мне пойти «занимать места». Проводница поинтересовалась: вас трое или четверо? «Музыкальный друг» спешно ретировался, а я последовала за ребятами в свое купе. Это был шок! «Вы что же, едете тоже?» Они переглянулись: «Нет, просто захотелось еще раз увидеться и попрощаться. Ведь, если мы поступим, то неизвестно, когда еще... А в отпуске мы тебя в Алма-Ате или где еще – обязательно найдем!» – заявил Володя. Заметила, как обрадовались, услышав мой голос. «Ну, до встречи!»

Звезды, падающие в ладони

В Адлере ощутила потрясающий аромат воздуха. Еще в поезде, глядя в окно на серебрино-серую морскую гладь, загрустила: «А ведь наш Иссик-Куль встречает всегда яркой синевой!» Но солнце появлялось, мерцало и заливало все небо.

Такси довезло прямо до санатория «Адлер» в том же Адлере, о котором с детства была наслышана от отца – он там часто летом отдыхал и лечился: Сочи, Ялта Алушта, Алупка, Адлер, Гурзуф...

Но, вдыхая этот благоуханный кислород, с ужасом обнаружила, что дубленку и сапоги вместе с другой кладью нести не в силах. Кто-то помог, доставив до регистратуры и корпуса. А потом начались чудеса.

Не сразу, не вдруг, но пришло удивительное осознание, что весь калейдоскоп жизни выстраивается в судьбе Создателем по четко выверенному сценарию. И поездка моя в ноябре-декабре на двадцать один день к Черному морю – подарок. Как и все попутчики, случившиеся еще до начала пути. В обкоме профсоюзов мне вручили эту путевку – бесплатную – вне всяких законов логики и... музейного персонала. Так, я, услышав в приемной странный ответ, пыталась просто уйти и... хлопнулась в обморок. Кто-то поднял. Отлежалась на чьем-то диване. А в итоге оказалось, что главный бухгалтер – Анна Пакалн, эстонка, увидев меня, все поняла. И просто приняла решение и снабдила меня путевкой с пожеланиями скорей возвращаться здоровой. А встреча повторилась через десять лет. Теплая, удивительная. Но сейчас – о другом.

Море во все времена года – чудо. А Понт Эвксинский, как звали его еще в древности, неизменно могуч, загадочен и... нежен. Хрустальной мечтой детства было провести ночь на берегу. Но ноябрь, холодный ветер, полное безлюдье?.. И все-таки решилась. Предупредив соседку по номеру, что «задержусь», прошла под навесом со стекающей по гальке водой, нашла крошечный сухой «островок», присела, вдыхая полной грудью дивный аромат моря. Задумалась, грустя о доме и Питере. Расстелив свой кожаный плащ, устроилась на земле, запрокинув голову к небу. Улетаю... Только ритмичное покачивание прибоя, шорох и плеск, звезды, падающие в ладони...

Открыв глаза, обнаруживаю, что «прибрежные» фонари гаснут. Тогда, взлетев с земли, накинув плащ, бегом устремилась к корпусу. И – запела... Да, вот оно, целебное действие сбывшегося затаенного желания!

Встреча на Рице

А на следующий день приняла предложение «проехаться» на экскурсию к озеру Рица. Согласилась, не догадываясь про чудеса, что ждут.

С утра дождь перемешался со снегом, было ненастно и холодно. Полный автобус-экспресс настроен был весело. Кто-то начал петь, его подхватил нестройный хор. Сидя впереди, рядом с водителем, заметила, что он обрадовался. Остановка в Пицунде у Ботанического сада сопровождалась его словами: «Кто задержится или опоздает – через час – того не ждем!» И я, верная своему «пристрастью к прогулкам в одиночестве», конечно, заблудилась среди экзотики южных деревьев. Придя на площадь, автобус не обнаружила. Несколько растерявшись, бродила под дождем – без зонта! – по кругу, пытаюсь согреться и собраться с мыслями. Около получаса променада. И вдруг, лихо развернувшись, прямо передо мной тормозит с открытой дверью автобус и под громкие радостные приветствия я восседаю на свое место. Водитель хохочет: «Я не хотел, они настояли», кивает на пассажиров.

«Ну что, там сейчас дороги нет, снег, лед, бездорожье... Может, где-то здесь притормозим, угостимся?» – лукаво вопрошает рулевой. В ответ – разноголосица. И тут замечаю, что многие – под хмельком, порозовели. Оказывается, уже угощались собственной снедью. Но мне-то надо было сравнить легендарное горное озеро Грузии со своим, Большим Алматинским. Тогда решилась: «Конечно, Вы – не грузин, Вам все давно надоело и безразлично!» Резко обернувшись и затормозив, красный от досады водитель взглянул: «Откуда знаешь?» «Вижу, что Вы – армянин!» После секундной паузы он выкрикнул: «Товарищи! Едем на Рица! Кто не рискует, тот...» И автобус дружно подхватил: «Тот не пьет шампанского!»

Мы, натужно хрипя и гудя, поднимались по серпантину дороги, залитой водой. Но! Оказалось, лед на рассвете расчищен и путь открыт.

Высыпав на площади у озера, оглядываем пейзаж. Как свет всё меняет! Серые тяжелые тучи, затянув небосвод, придавили и стушевали красоту этого горного озера, славного на весь мир. Ветер хлещет в лицо мокрыми струями. Ноги давно промокли. И мы «хором» устремляемся в ресторанчик, сопровождаемые воплем водителя: «Всё! Больше ждать не буду! Полтора часа и – в путь!» И помахал мне рукой. Почему мне? Все другие не провинились?

Мы устраиваемся за столами, зачем-то сдвинутыми в длинные ряды. Официанты неслышно движутся «с королевской статью», надменно и презрительно. Наконец рядом некто рыжий освобождает свой поднос передо мной, «норовя» своим ножом снять с шампура шашлык на мою тарелку. Тихо предлагаю: «Оставьте! Принесите траву и помидоры! А «это» подогрейте! Шашлык холодным не едят! Не забудьте хлеб и лук! Вы же – хозяин! Или?..» Он медлит, я не поднимаю в негодование глаз. Уже ничего не хочется. Почти все обслужены прежде и радостно советуются: что еще, куда, где кофе и прочее. Внезапно этот «деятель» в ослепительном колпаке и фартуке срывается с места. Я замечаю устремленный на меня пристальный взгляд через стол. Сероглазая женщина в строгом темном одеянии, очень бледная и отрешенная, прикрывает рот ручкой. Оказалось, она как-то все услышала. Я собралась удалиться, выдвигая стул из-за стола. И тут произошло нечто. Бегом, с дымящимся шашлыком, всеми нужными специями и приборами, примчался тот огненно-рыжий официант, что-то беззвучно приговаривая. Наклоняясь, обронил: «Откуда? Как знаешь, что я...» Не выдержала: «Армянин? Да просто вижу! Но вы тоже – в гостях! А я – из Алма-Аты. И озеро у нас тоже есть в горах. Нет, не Севан, не Рица. Лучше! Приедете – увидите!» Он тихо стонал, смеясь и качаясь: «Пожалста, пока горячий, поешь, ахчик!»

А я, уплетая блюдо, сурово спросила: «А где же кофе? Без него ведь нельзя!» И тотчас прозвенел смех моей сероглазой соседки: «Так его! Правильно! А на кофе нужно еще доплатить. Бар внизу. Да, не могла бы ты... Пару рублей взаймы...» И сопровождаемые возгласами официанта, радостными, приветливыми, мы устремились вниз. Замша моих сапог оставляла озера. Аромат кофе манил и грел. Кивнув попутчице на стол, устремилась в начало очереди за благословенным напитком. Время наше вышло, автобус мог уйти. Отчаянно стыдясь, обратилась ко всем у стойки: «Шноракалутюн, мерси, соггу, можно два кофе без очереди?» На меня обалдело уставилось две пары глаз – барменов. И, засмеявшись, не дожидаясь денег, протянули две чашечки. Боясь осуждения, взглянула на стоящих. Никто не осудил, не укорил. Более того, в ответ раздалось: «Ахчиджан, барэв!» И, подлетев к моей старшей наперснице, вручив заветный обжигающий напиток, услышала: «Девочка! А ты откуда сама? Я-то сама родом из Ленинграда. Вот в блокаду приехала в Тбилиси с мужем, стала грузинкой. Уже внуки есть. Поедешь ко мне?»

Ну что было сказать в ответ? «Да, завтра утром я принесу тебе в ресторан деньги. А ты ночь подумай, а завтра надо выезжать». Колебания мои были вполне оправданы. Голос только-только восстановился. Настроение – замечательное. В Тбилиси – родные моего мужа, то есть и мои родные. Но говорить об этом сейчас, почти не зная человека... И мы выбежали в бурные потоки воды у дороги. Откуда-то с шумом возник, открыв двери перед нами, автобус и мы покатали в свои санатории.

Где я? В Грузии, в Армении? Все мысли – о Питере. Словом, добравшись до корпуса, еще поколебалась. А в мое отсутствие случились перемены. Новая соседка с мужем въехали в номер, порадовав: «Мы – из Ленинграда. На квартиру устроиться – проблемы, вот мы и...» Наутро, приняв решение, известила их: «Уезжаю на три дня, располагайтесь!» И, предоставив им свое место, с легким сердцем побежала в кассу: «Билет до Тбилиси, туда и обратно, пожалуйста», и называю даты. На меня смотрят заинтригованно: «А обратно зачем?» – «Ну, я здесь в санатории лечусь, отдыхаю, а в Тбилиси – родные, друзья». – «А еще где?» Смутилась, но ответила: «Еще – в Питере, в Ленинграде». И мне тотчас выдали билет на поезд «туда», который, на мою удачу, только что вернули в кассу. А обратно, как оказалось, нет. Но я уже дала обещание моей сероглазой спутнице приехать. Подробный адрес – на руках. И главное – меня будут ждать в их доме – а это свято! И я поехала!

А в купе... В нос ударил страшный «аромат». С полки свисали, болтаясь на ходу, носки. Много. Сразу закрыв дверь, осталась в проходе. Понимающе, с сочувствием глядя, проводник пожимал плечами. Все трое спутников сего «ароматизатора» уже сбежали.

Далеко за полночь, сидя на откидном месте у окна, тихо грустила, качаясь. «Зато уже скоро – Тбилиси!» Кто-то в спортивном костюме встал рядом. Молча. И так же смотрел в ночь. А под утро он открыл дверь какого-то соседнего купе, тронул за плечо и попросил: «Иди, сестренка! Там – место!» И я подчинилась, «засыпая на лету». Через три часа – утро, остановка в Тбилиси. Я, не раздеваясь, лежала поверх одеяла, потому, не мешкая, подхватила сумку и... Невольно взгляды выхватил чью-то собравшуюся в комок фигуру на третьей верхней, «вещевой» полке! Это мой попутчик – настоящий мужчина! – отдал свое место мне. А я даже не поблагодарила – он спал!

С перрона ринулась с толпой на трамвайную остановку. Мне объяснили, что через несколько кварталов – касса железной дороги, где я могу купить обратный билет. У дверей трамвая мешкала невысокая полная женщина со смуглым лицом. Я, подхватив, подняла ее в салон и пошла на свободное место. Жутко хотелось спать. Но надо было уже выходить. И вновь – та женщина. Видимо, ножки больные. Поддержав на выходе, бросилась бегом к окошкам кассы. Мне ответили тотчас: «В Адлер – ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю билетов нет. И не будет! Спросите автобус!» Растерянно стоя, я попробовала в другом окошке спросить. И вновь жестко: «Нет, девочка, билетов!»

И вдруг сзади раздалось властное: «Нет? Как нет? Есть! Пошли за мной!» Оглянулась. Разгневанно налегая на костыли, моя спутница по трамваю кивнула мне. Ничего не понимая, последовала. Вошли в служебный коридор. И тотчас она что-то кому-то приказала, мне очень вежливо предложили билет и... извинились. «Это – директор вокзала», – прошелестело в толпе ожидающих. Никто ничего не спрашивал, не возмущался. А я, счастливая, с билетом, обратилась к ним с вопросом: «А как я могу добраться вот по этому адресу?» С улыбками, радушно и понимающе, совсем как в родной Алма-Ате, мне быстро, бурно жестикулируя,

стали объяснять. А я совсем запуталась: какие-то пересадки, незнакомые улицы, переулки. Ведь это – частный дом. Пока кто-то со смехом не заключил: «Ну, лучше всего – на такси! Но, девочка, одна, не зная дороги...» Пока кто-то деловито не предложил: «А деньги на такси у тебя есть? Пошли, сейчас я тебе машину найду. И договорюсь!» Все одобрительно зашумели. И вскоре я кружила по городу, ожидая увидеть центр и знакомые очертания храмов, музеев, улиц. Увы! Путешествие затянулось, я едва не погружалась в сон, а адреса найти не могли. Но ведь я обещала!

Наконец, притормозив у каменной стены, мой вконец расстроенный усатый водитель выдохнул: «Это!» И, выйдя, нажал на звонок. Потом толкнул калитку, она отворилась. И он, подталкивая меня, пробормотал: «Заходи! Ты – гость! Прости, что долго возил...» И, напроочь отказавшись от оплаты, нырнул в машину! А я обессиленно открыла дверь.

Тбилиси. В доме друзей

Мое появление на пороге было встречено бурной и громкой радостью – это оказалась сама Хозяйка. Совсем по-тбилиски, шумно, с объятиями, она провела в гостиную, и тотчас стол обратился в пышный дастархан. Несколько смущенная, я отвечала на шквал вопросов, и в ответ слышались вопли одобрения, удивления. Меня словно бы опознали. Родители, дети, профессия, Казахстан, мои увлечения, наконец, деликатно покашливая, о любимом. Слово «муж» никто не произносил. За столом, на коленях молодого отца, восседал ясноглазый кудрявый младенец. Он еще не говорит – объяснили мне. «И всех изводит своими капризами и ревом!» – заключила бабушка с любовью. И он тотчас скривился... А я, опередив, позвала: «Эй, балапан, не болды?» От неожиданности ребенок открыл масляные громадных глаз и рот. И забыл заплакать. А через миг, через стол, потянулся ко мне, улыбаясь. Все захохотали: «Вот это да! Ну, парень, ты даешь!» И, сияя, бабушка тихо сказала мне: «Ты, я вижу, устала. Давай, пригуби чачу, и – отдыхать!» «Но я не пью!» – «Совсем?» – «Совсем!» – «Ну, тогда капельку можно!» А я понятия не имела об этом «напитке». Словом, сделала два глотка из коньячного хрустала и... Открыв глаза, онемела. Над головой – белый потолок, белые стены, белый мягкий покров на мне и надо мной. Утопаю! Пытаюсь подняться – нет, не выходит. Да что же это? Оказалось, уже утро. Тонкий перестук пальцев в дверь. Откликнулась, продолжая бороться с этим наваждением. Хозяйка вошла, улыбаясь. «Ты вчера нас напугала. Уснула за столом. Сын на руках отнес тебя сюда – это моя спальня. А под тобой и над тобой – лебяжий пух, узнаешь?» – «Нет, я никогда...» – «Ну, вот и хорошо! Пойдем!» – и, протянув руку, извлекла меня из этого царского оперенья. «Понравилось? Выспалась?» – «Ой, я такого никогда не испытывала!» – «Ты о перинах или о чаче?» – «И то, и то... Помню только малыша...» – «Ну, сын еще дома, уходит на работу, невестка убежала по делам, а ребенок – на нас с тобой. Что-то он сегодня не шумит. Лежит себе в коляске и молчит. Пойдем кофе пить!»

Я вылетела на веранду и из коляски глянули на меня сияющие глаза героя. Он улыбался и что-то гукал. Наклонившись к нему, поздоровалась по-грузински, потом по-русски, и похвалила. Как он расцвел! В этот момент кто-то шумно выдохнул за спиной: «Мам, ты посмотри, он совсем перестал реветь!» – «А ты как думал? Он же с гостем общается, да, Саулик?» И тут все мы рассмеялись. Поговорив еще с ним, пообещав вернуться, на ходу проглотив кофе с бутербродом, побежала в центр.

Там, на улице Дзержинского – сердце города, элитный, творческий район – дома художников, поэтов, музыкантов, писателей. Здесь – дом отца, Сократа Киракозова, художника, но уже никого из родных не осталось. А эти наклонные, мощенные камнем мостовые врезались в сознание и память навсегда. И страшно понравились, много больше асфальта широких проспектов. Повидавшись в этот день с сестрой Себа Белочкой, убедилась: меня ждут, помнят и надеются, что мы вместе переберемся сюда, к отчому дому. Такая нежность и грусть во взглядах интонациях, такое трепетное ожидание... Увы! Обещать ничего не могла. Лишь призналась, что здесь – чудом. Болезнь – причина вояжа в Адлер. И вот я – в любимом городе. Рассказала Белочке, как я стала счастливой обладательницей железнодорожных билетов. Ведь их – нет. Она вся обратилась в слух.

Белочка тихо смеялась: «Ахчиджан, ну, как ты решилась? Одна! И что Себ скажет?» – «А он не знает... Лучше его не огорчать, да? Скоро путевка заканчивается, и я через Москву поеду домой. Здоровье поправилось. В обмороки не падаю больше. Голос “прорезался”. Вот если бы вещи были с собой, я бы прямо из Тбилиси, сегодня же, рванула домой».

Благословив, Белочка сообщила, что вышла замуж, мамочка жива-здоровая, «помнит и любит тебя, Саулик!» И я отправилась в другие дома родных.

А поздно вечером вернулась к Хозяйке моей. Она смеялась: «Это же надо так случиться! Ты – без ума от Ленинграда, его студентка! Я – ленинградка по рождению и происхождению. Грузия стала мне родной, конечно. Но сердце помнит Неву и набережные... Дети, внуки – я проросла корнями здесь и уже не мыслю себя вне Тбилиси. Вот и младший внук мой ощутил: ты – наш человек! Ведь он и вправду за весь день не заплакал. А ближе к вечеру сказал первое слово. Думаешь, «мама»? А вот и нет! Он меня позвал! А все ты!»

Через день, нагруженная подарками – «Киндзмараули», чурчхела, орехи и книга Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», собралась ехать. Никаких попыток что-то отклонить не принималось. И взято было обещание – обязательно вместе с дорогим моим приходите, приезжать чаще. «Мы теперь – родные, да?!»

Уезжая, едва сдерживала слезы. И доехала в Адлер без приключений, отлично выпавшись. А на заре, увидев дождь сквозь солнце, поняла – Адлер меня встречает с улыбкой. Но мои «молодожены» мне не слишком обрадовались. Значит, надо прощаться. Они вручили мне питерские свои адреса, потащили в Ялту, на экскурсию, предложили еще увидеться в Питере... Но я вдруг отчетливо увидела, все это – блеф. И пошла в одиночестве по дороге на мост. Заметив внизу какие-то окошки, приблизилась. Одно открылось. «Что тебе, девочка?» Боже, да ведь это же авиакасса. Вибрируя, спросила: есть ли рейс на Питер и сколько стоит билет. Она вскинула глаза: «Куда? А когда ты хочешь?» И назвала сумму. И я выдохнула: «Да я хоть сейчас! А можно сегодня вечером или ночью?» В ответ: «Ну, давай, решайся! Вот тебе на вечер. Успеешь?» Боже, неужели так бывает? Сердце билось в горле. А в руке я сжимала билет, зная, что там самые дорогие друзья ждут меня всегда. И неважно, что денег осталось только на троллейбус и метро.

Питер

Добравшись до Гавани на любимой «десятке», взлетела на «чердачный этаж» – мансарду моих подруг. Дверь распахнулась. Время – семь часов утра. И – прямо упала в объятия Маши. Она искусствовед и художник, мама Сашеньки – будущего художника. Протащили меня, не дав скинуть дубленку, через квартиру, и скомандовали: «Все! Спать! На тебе лица нет! Ночью летела?» – «Ыгым, летела.

Лица нет, а что есть?» И провалилась в сон. Через пару часов, разлепив веки, обнаружила: Саша, наклонив голову вбок, сидит рядом. «А ты случайно, да? Не могла предупредить? Ну, рассказывай!.. А, нет, сначала кофе. И музыку!» Включив Моцарта, она умчалась на кухню. И я, опамятававшись, спросила – который час? «Ну, почти обед. Я не пошла на занятия. Ведь должны мы с тобой поговорить!» А я, извинившись, кинулась к другим друзьям: Галочке Рахмаил, Гене Фильчакову – Марьяне Бенуа, Петеньке, их сыну, Лене Успенской, Володе и Римме Малковым, Леночке Царик... А вечером следующего дня – поход в Большой драматический театр им. Горького (ныне – им. Г. Товстоногова, главного режиссера театра) на встречу с Владиславом Игнатьевичем Стржельчик. Как много счастливых моментов слилось в эти три дня. Тяжким испытанием для гордости было признаваться на вопрос: «проблемы есть?» о сумме на авиабилет до Алма-Аты. «А если не найдешь, тогда что?» – вежливо и вредно спросил В. И. Стржельчик. «Ну, тогда придется остаться навсегда!» – со вздохом бросила я. И что же? Уже после спектакля, когда гасили всюду свет, он повел меня в фойе... Готовая ко всему, следовала за ним молча. А он? Прохлопал себе грудь, карманы пиджака и брюк и... начал разуваться. Потом, кряхтя, извлек мятые купюры. Пересчитав, вздохнул: «Прости, малыш, здесь только тридцать, ну, так получилось!» И виновато засопел. А для меня это – целое состояние! Почти половина стоимости билета. И сразу среагировала: «А куда отправить, домой на Бассейную или в Театр?» И он, смутившись, быстро ответил: «Сюда, на Фонтанку!» Подруга моя Лена, и по сей день – костюмер этого театра и театровед, услышав о происшедшем, сложилась вдвое от хохота: «Да ты что? Зачем? Да ему самый малый гонорар 300 рублей дают!» А я, надувшись, не поняла!

Но развеселил Гена. Он – бывший алматинец, сын художника ТЮЗа, страшно скучал по родине. И сначала сказав: «О Господи! Сейчас ведь денег нет дома!», потом стал жонглерским движением, втянув живот, что-то делать длинными пальцами. Наконец, изловчившись, вытянул тонкую трубочку из потайного кармана для часов или ключей. Распрямив, сокрушенно произнес: «Это – НЗ. Заначка. Возьми». И я приняла, понимая, что в жизни художника безденежье – вещь хорошо знакомая.

А моя Галочка Рахмаил, молодая мамаша, заахала в трубку и, бросив свои дела, примчалась в центр города, вручила 25 рублей и, извиняясь, целуя в обе щеки, побежала на работу.

Словом, богатая, как Крез, купила я билет, напутствуемая такими нежными, щемящими душу пожеланиями, что в самолете сомкнуть глаз уже не могла. А утром, уже дома, кинулась отправлять по адресам всю сумму, дабы назавтра они всё получили. И что? На мою голову посыпались такие обвинения! Кто только не позвонил и не обругал! Оказывается, каждый из моих друзей не «ссужал» меня, а просто от души вручили то, что могли... А я неблагоприятно ответила... Простили с трудом, позже. А в душе осталось только нежное, солнечное сияние благодарной памяти.

В день прилета домой, в перерыв, пришла с работы к художникам, дорогим друзьям Себа и моим: это больше монументалисты, его коллеги и прежние конкурники по Мухинке (опять Питер). И в мастерской Геннадия Завизионного прозвучал вопрос: «Откуда ты такая?» Я пробормотала: «Из Адлера, в санатории была...» Шагнув ко мне, вдруг приобняв и касаясь губами лба, лучший друг Себа Игорь Корогодин произнес: «Ну, о чем ты? Ты же вся светишься! Ты – из Питера, верно?» И все одобрительно зашумели. А я, убегая, сказала, что у меня – перерыв, нельзя опоздать. «Ты обязательно приходи вечером, мы будем ждать!»

И, вернувшись на работу, в Музей искусств, я с замиранием сердца молчала, боясь выдать счастливую тайну встречи с любимым городом. Ведь я сбежала с курорта, где была по путевке от профсоюза... Словом, никто не заметил. А я не выходила из кабинета, боясь вопросов. И вечером к художникам не пошла. А дома ждал шквал звонков с обвинениями. Телеграф работал четко!

А Ты среагировал совсем иначе, чем друзья. Смертельно бледный, шагнул ко мне и... резко отвернулся. «Зачем ты с ребятами говорила о Тбилиси?» Эта Твоя всегдашняя любовь, тоска и боль мне была понятна всегда. Но разве я говорила? Как и о Питере, нашем с Тобой родном городе? Ведь Твои друзья с Твоей подачи «нянчились» там со мной. А потом стали и моими друзьями. И говорить об этом вовсе не было надобности никогда. Как и о Тбилиси. А Алма-Ата, ставшая Тебе родной после завершения учебы в Питере и принесящая столь желанный труд большого художника-монументалиста, она так близка с Тбилиси. И по нравам, и по темпераменту, и по обычаям, традициям, открытости и взрывному темпераменту... А главное, здесь Ты обрел себя как Личность. Весь Казахстан узнал Твои росписи, мозаики, фрески и живопись, и графику. И лучшие из них по сей день – драгоценность Алматы. Как в здании Института народного хозяйства, где, кстати, долгие годы работал мой сверхскромный и талантливый отец. Вы не ладили. Отец никогда не пил. И Тебе не простил этой слабости. Я узнала об этом много позже ухода из этого мира папки. Он пытался меня уберечь. И понял, что в этом он мне – не советчик. А Ты, тяжело переживая трагедию юности – уход из дома матери – всю жизнь скрывал это. И от меня – тоже. Но в Тбилиси родные не уберегли меня от этой весты. И я всеми силами скрывала от Тебя это свое знание.

«Тяжело с тобой! Ты все знаешь! Даже не спрашивая!» – обронил Ты как-то. И тут же, покраснев, приобнял: «Я – тоже». «Вы – как переливающиеся сосуды! Закон Джоуля знаешь? – смеялась моя подруга Гульшара. – Но маму ты любишь больше!» Я онемела. Да как можно! Это же кощунство – сравнивать!

А однажды Ты, под хмельком, сводя брови, заявил: «Ты ведь больше всех на свете любишь Маму свою, да? А меня...» Глаза мне застлал туман. Такая ярость и боль поднялась. Было в первый и последний раз желание ударить. И эта боль долго не отпускала. Когда Ты свирепо ревновал и воображал бог весть что, мог позволить себе вот так спросить или заявить. И я, сжигаемая болью, молчала. Терпение – трудная вещь. Но без нее нет жизни, не так ли? Как без Любви. А Она к счастью, всегда со мной.

Ты не позволял себе на эту тему говорить.

Признание

Только в первый раз, при друзьях, в доме, полном художников, Ты тихо и отчетливо произнес: «Я тебя люблю». И тут же добавил: «Но это тебя ни к чему не обязывает». Я смотрела через праздничный стол на Твое побледневшее лицо и... молчала. Майский день. Ты забрал меня из больницы. Привез домой, прежде встретив в порту из Питера... И устроил празднество, что продлилось на все времена.

Ты запечатлел в триптихе живописи счастье и боль нашей жизни – ту первую поездку в Тбилиси, где мы прощались с самым дорогим Тебе человеком – отцом. И Ты при близких друзьях, в машине, обнимая меня, сказал: «Парни! У меня – горе. А я – счастлив. Со мной – любимая». И эти взрослые, 35-летние мужчины обратились в мальчишек, прежних соклассников. Притормозив, они оба смотрели

на нас с таким состраданием и теплом... И на вопрос родных: «А ты хочешь, ты останешься здесь, в Тбилиси?» Я ответила сразу: «Конечно!» И за плечом сорвавшимся голосом Ты сказал: «Тогда я – тоже».

Мы поднялись с Тобой на Мтацминда совсем не так, как я ожидала и представляла заранее. А Ты обещал в письме, что «мы приедем с тобой на экскурсию в город, который славен тем, что здесь родился Себ». И там, в Питере, читая эти строки, я не подозревала что это – моя жизнь, моя судьба, мое настоящее и будущее. Просто наслаждалась полетным чувством сбывшейся мечты о Питере и думала, что Ты – мой Друг, старший друг-художник. И Твои друзья – ровесники представились некими пожилыми франтоватыми и вальяжными «деятелями искусства».

А пришла беда – телеграмму принесли в наш дом – и я, не раздумывая, сказала маме: «Мы полетим вместе!» И она, побледневшая, кивнула. Ты был – на грани. Едва не выпрыгнул из окна. Май, окна настежь, третий этаж. Да, оказалось, Ты – мастер-легкоатлет, это сказали в семье близкого друга потом, в Тбилиси. Но и у меня багаж – хореография и художественная гимнастика. И, успев повиснуть на руке, удержала Твой «полет». И вдруг ты крикнул: «Я тебя никому не отдам! Мне Тебя дал Бог!» Я продолжала держать Твои большие ладони.

Мы всюду, оказалось, ходили, держась за руки. В Тбилиси родные ласково пошутили. Я растерялась. Ты багрово покраснел, потом побелел... Но руки не отпустил, лишь глаза опустил и сжал мои пальцы. И все притихли и смирились.

Из Питера Тебе шли сердечные письма, где и друзья Твои тепло отзывались обо мне. Я смеялась. Но это же невозможно! Быть в Твоей тени – так естественно. И лишь однажды Лена Успенская с упреком сказала мне: «Что ты все умаляешь себя? Тут все ребята давно разобрались. И ты – не тень. Ты – на равных. Ты – личность». Я, конечно, не поверила и страшно смутилась. Но и ее муж, Женя, сказал, что хочет писать меня. И Лена присоединилась. А я наотрез отказалась.

Ты в канун отъезда сказал мне: «В Питере не ешь мороженого, простудишься. Я здесь тебе ящик куплю. И еще: ни-ко-му не позируй». Я пообещала. И долго потом ждала Твоего «ящика мороженого», удивляясь... Но Твои друзья, став и моими, искали встреч и с интересом беседовали со мной. Конечно, рассказывала о них. Ты усмехался, не комментируя. А однажды в мастерской сказал друзьям при мне: «Ее там принимают в кругу “золотой молодежи”». Насмешка задела. Но мне-то первое, что пришло в голову: какая молодежь? Они же все уже... И потом, как вспышка: но ведь он – их ровесник. Почему же совсем не старый, как они? Мы с ним – наравне. И при чем здесь возраст? Разве 10 лет – это пропасть? Но сказать вслух не приходило в голову никогда. Была уверена, что Ты и так знаешь. Увы? Ах? Главное Ты знал всегда. Родство душ не имеет границ и различий. Не нуждается в словах и объяснениях. Оно есть. И в Любви это – самое драгоценное. А потому длится и длится, даруя счастье жить.

Тбилиси твой и мой

Бродили мы с Тобой по городу детства и юности Твоей пешком, часами. И эти вьющиеся по стенам виноградные лозы, и тронутые временем благородные пропорции старых особняков-дворцов, и скромные, увитые плющом домишки, и бесконечные булыжные мостовые – все было как-то особенно уютно и тепло, согрето заботой хозяев и бережным отношением к родному очагу. Острое чувство сопричастности к тайне не покидает в таинственных улочках старого города.

Мы идем по центру, петляем по переулкам, словно ищем неких чудес... И они являются. Ты все замечаешь. Серая плотная стена высоко поднялась над улочкой. Из-за нее виден край здания, тоже серого. «Это – синагога, – тихо отвечаешь на незаданный вопрос. – Действующая». Мы уже бродили по набережной Куры. Я любовалась фигурой наездника – Горгасала. Храм на горе, очень знакомый и... далекий. Множество маленьких церквей. Вдруг, изменившись в лице, Ты просишь обождать. И удаляешься почти бегом. Вернулся вскоре, запыхавшись, страшно бледный: «Там – закрыто. Я хотел тебе крестик серебряный взять. В нашей церкви». Растерянность и боль были так явны, что я, помолчав, ответила: «Мы встретимся обязательно. И крестик – не самое главное, ты увидишь». Расширив глаза, остановился, но вдруг, тряхнув головой, заулыбался. «Да, ты права. Конечно...» И мы пошли вглубь переулков. Снова – наедине. Без этих потоков пешеходов и туристов. День раскален и хочется тишины и прохлады. Так мы забредаем в узкое пространство тесной улочки, где – ни души. «Улица Леселидзе», – поясняешь Ты. И с грохотом раскалывается небо. А на нас, утомленных жарой и духотой, обрушивается поток воды. Эта гроза, буйная и мощная, вмиг обратила улочки в реки. Мы вбегаем в открытую калитку, ища спасения под аркой. Кругом с грохотом падает и мощными потоками струится вода. Насквозь промокшие, мы стоим в чужом дворике, совсем одни и... ничего больше нет на свете. Охватив Тебя сзади руками, услышала медленное гулкое биение. Это – Твое сердце. А следом тихое: «Я хотел бы сейчас умереть». – «Я – с Тобой». Грохот струй и этот озноб продолжались, когда в калитку заглянула пожилая женщина со словами вопрошения на грузинском. Ты отозвался. «Она спрашивает, не нужна ли помощь. Я сказал, что все у нас есть». – «И поблаго дарил?» Ты улыбнулся: «Конечно. Пойдем!» Мы вынырнули вновь на улочку. А она из бурного потока через 10–15 минут обернулась той же булыжной мостовой. И воздух вновь раскалился.

Мы шли и шли вперед, подъем становился все круче. И Ты заметил мою усталость. И что же? Надо было подниматься по каскадам ступеней. Вопросов я не задавала. Просто шла. И вдруг... Земля исчезла из-под ног. Ты, подхватив, нес меня, делая громадные шаги. Мы поднимались на Мтацминду. Наконец, сделал паузу, остановились и вошли. Оказалось, на вершине – усыпальницы. Здесь и Грибоедов, и «Отец солдата» – любимый Серго Закаридзе, и самые почитаемые люди. Но мне видится лишь Твое утомленно-печальное лицо, и нет сил больше это терпеть. Мы уходим.

Но, видя мою печаль, Ты решаешь ее развеять. И мы оказываемся на вершине горы с фуникулером – канаткой. Заведя меня в кабинку, что-то спрашиваешь. В это время, дрогнув, кабинка трогается вниз, набирая вес и скорость. А я вдруг, не задумываясь, бросилась вниз, из отсека в отсек, точно кого-то догоняя. Или – убегая. Ты едва догнал меня. Прижал к себе, успокаивая. Мы вышли на площадку, завершаемую елями. Они цветут. И так знакомо и близко это свечение и аромат. Призналась, что видела это дома, в Турксибе, возле санатория. А Ты искривился от боли. О чем? Но я тотчас попросилась вниз, домой. «На Дзержинского», – попросилась я. И Ты посветлел и согласился. «Только больше не убегай...» – «Ладно, не буду». И мы успешно спустились в город.

Потом соседка, заговорив по-русски (хотя многие почему-то обращались ко мне по-грузински, и я очень сожалела, что не знаю языка!), позвала к себе на первый этаж. Придя, погрузилась в лицезрение волшебств грузинской кухни. Она показывала мне, как правильно готовить лобио. И я забылась. А потом... с белыми губами и искаженным болью лицом Ты признался: «Мы тебя потеряли. Два часа

искали повсюду. А ты?..» – «А я училась варить лобио. И там так тихо, что я чуть не уснула...» – «Так ты пойди поспи, малыш. Что же ты не сказала?» – «Нет-нет, не надо... Потом... Не волнуйся». А Ты, приблизившись, потянул за руку: «Ну, мы же все тебя искали, волновались. Пошли – покажемся, успокоим». Вот так текли наши дни встречи-прощания с Домом, где лучилась счастьем жизнь Твоя в самом раннем детстве. Где звучала музыка рояля, на котором великолепно играл Твой отец, Сократ Сергеевич. И опера «Даиси», и сонаты Моцарта, и народные песни. А Ты любил джаз и классику на равных. Потому, наверное, услышав впервые у нас «Синюю птицу» Энн Мюррей, очень удивился и обрадовался: «Откуда она у тебя?» – «Из Питера!» – «А Луи Армстронг?» – «Отсюда. И Рэй Чарлз, и Гарри Белафонте, и Уитни Хьюстон, и Элла Фитцджеральд... А почему ты удивлен? Их много больше. Я без них не могу...» Ты смутился: «Я думал, это музыка нашего поколения, ну и...»

Это было еще обидней. «Значит, то, что мне положено – в рамках детского сада, да?» И Ты рассмеялся, уже от души. «Да ты не обижайся. Ты и так все знаешь. Просто мое детство в Тбилиси было другим...» – «Чем в Алма-Ате? И здесь – темная, непросвещенная публика?» – «Да нет, ты не так поняла. Ну и ладушки!» Это было признаком крайнего раздражения. «Ладушки!» И я снизошла: «Да я ведь музыкальную школу закончила. И ходила на лекции по легкой музыке. Так что с Гершвиным знакома. Да и здесь, в Алма-Ате, есть меломаны и знатоки. А в консерваторию часто приезжают с концертами мастера. Настоящие». – «Например?» – «Например, Серебряков. Ректор Ленинградской консерватории. Пианист высокого класса. Почти Рахманинов!» Ты рассмеялся: «А тебе он по душе?» – «Еще бы! Кто же его не любит! А ты?» Ты уклонился: «А кого еще? Больше всего?» Я откровенно ответила: «Мне больше нравится Моцарт. Потом – Шопен, Григ и Шуберт. Потом – все остальное. Ну и, конечно, джаз. Классический!» Ты расцвел: «Ах, так? Учту!» И были потом «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Иезус Христос», «Чеширский кот» и т. д. А любимой осталась «Волшебная флейта» Моцарта.

Начало

Выпускник Мухинского высшего художественно-технического училища (Ленинград), монументалист, он прежде начинал учиться у себя, в Академии художеств Грузии, где преподавал отец, Сократ Сергеевич Киракозов, известный тбилисский художник. Младший любимец-сын после первого курса, уже мастер спорта по атлетике и большой знаток музыки, перебрался в Ленинград, став студентом МВХПУ и супругом Риты, питерской девушки. Она, познакомившись с Тобой на сборах в Ленинграде, прилетела в Тбилиси. Это решило всё. Через год родился Артур, которого обожали все тбилисские родные и куда он приезжал каждое лето. Но брак распался довольно скоро. В итоге Себ оказался с группой сокурсников-монументалистов в Алма-Ате. Он был надломлен душевно, но полон сил и веры в творчество. Масса заказов, друзей, впечатлений. И – девушек, в которых искал утешения и забвения. Ослепительная внешность добавила остроты приключениям. Но близкие из друзей, особенно питерцы и бывшие сокурсники – знали, что он за человек, и восхищались. И любили. И ценили.

Потому, когда я летела сдавать экзамены, Ты по телефону «озадачил» друзей, предложив всячески помочь мне. Поначалу это у них получилось. То есть, мой приезд в квартиру супругов – из одной комнаты, в «коммуналке» – долгим пребыванием быть не мог по определению. Помогла судьба. Встреча на морозной

вечерней остановке с Андреем – тем самым, знакомым по Кзыл-Орде! – решила всё. Он развернул меня от остановки к метро и поехал со мной к Финляндскому вокзалу, где представил соседям: «Прошу любить и жаловать! Сауле – друг мой и моей семьи!» Комната – просторная, пустая – квартира отца, свободная. Сам Андрей с женой Тamarой и дочкой – в микрорайоне за Академической. И позже мы, конечно, увиделись. Но в тот вечер я даже поблагодарить его не успела: он помогал соседкам вносить мебель. Стол, кресло-кровать, стулья, вешалки. Распорядился, чтобы они заботились обо мне, показал кухню, ванную, туалет и за спешил, оставив телефонные координаты. Я так переволновалась и устала, что, едва выпив чашку чая, тотчас уснула. Что интересно: мера такой доброжелательности, приветливости и доверия никого не поражала. Просто человеческие взаимоотношения. И тепло – как норма. А Себ, когда я заикнулась о бытовании в этой комнате и ее хозяевах, насупился и как-то потемнел лицом. Может быть, такого поведения он ждал от друзей-сокурсников?

Главное, что вошло в мою жизнь с Твоим приходом – это чувство наконец-то обретенной полноты. словно все дни, часы, минуты до этой встречи были вступлением к увертюре и самой главной теме – теме Любви. Которой я жила в литературе, но – не знала в жизни. И которой так полна армянская поэзия.

Говорила маме, что далеко не все переводы поэзии на русский язык меня устраивают. Хотя в передаче Блока, Пастернака и Ахматовой многое, кажется, ближе к подлинникам. И с восторгом читала Аветика Исаакяна, ранние стихи, посвященные родине и любимой.

Шекспир мне видится лучше всего в прочтении С. Маршака и Ю. Домбровского, а певучие строфы армянской поэзии, чувствую, теряют. И вслух произносила строки из Геворга Эмина:

В чем жизни смысл?
Конечно, в ней самой...
Чтоб цвел цветок,
Чтоб падал снег зимой.
Чтоб расцветали и слетали б листья...
И всё – без зависти и без корысти.
Без бесконечного вопроса
О смысле жизни.

С Себом о поэзии я говорить не могла никогда. словно боялась показаться выпендренной. И даже на моей лекции «Искусство Западной Европы. Музыка, литература, искусство 16–20 веков», куда пришли друзья-художники – и Е. М. Сидоркин, и Ю. Функоринео, и актер В. И. Стрельчик, и множество других людей, Себа не было. Что-то мешало мне предложить ему послушать и посмотреть на свое творчество. Художники пяти стран и пяти веков под музыку своих современников, пережившую столетия поэзию и афористичные изречения, представляли со слайдов в течение 45 минут. Текст читался «вживую». Музыка – с магнитофона, а за аппаратом со слайдами, дабы был полный синхрон, стояла я сама. Безусловно, подобный опус с режиссерским раскладом дался мне не вдруг и без чьих-либо консультаций. Тем ощутимей был итог. Комментарии друзей согрели душу. Позже я показала это, отдельно – маме, а затем – друзьям-художникам в Питере. И убедилась, что это – не напрасно.

Может быть, ложная гордость помешала мне показать содеянное Себу? Или страх его иронии? Словом, так и не смогла. А он молчал, не спрашивая.

Попытка сохранить память

Лишь на 50-летие, когда состоялась персональная выставка в Выставочном зале Союза художников – первая в его жизни! – я решилась. И созвав своих друзей с республиканского телевидения и написав сценарий, сделала телепередачу. Мы беседовали с ним перед камерами. И он открыто, отважно, гордо, с юмором отвечал на мои вопросы. Конечно, они шли от сердца. Он это знал и отвечал так же. Единственная телепрограмма! А силою судьбы запись эта не сохранилась. Позже, с помощью друзей, я лихорадочно искала фотографии и слайды. Перевела их на диски. И написала о Тебе, дорогой мой Человек, Художник от Бога, мой Себастьян!

Мама – грузинка, отец – армянин, рождение в Тбилиси, жизнь и творчество в Питере, а следом – вся жизнь! – в Казахстане. Все сложилось в мощное воплощение в красках, что запечатлели ее величество Жизнь на монументальных сооружениях по всей моей Родине. Малая толика сохранилась в Алматы: бывший Институт народного хозяйства, где провел жизнь профессор экономики – мой отец (ныне – Институт экономики). Фронтон с мощными фигурами великолепен. И роспись Детской клинической больницы – тоже в Алматы, где счастливая пора жизни в светлых красках и солнечном колорите сразу делается узнаваемой по духу и стилю Себа – ни на кого не похожего, кроме титанов Возрождения.

Я встретила в жизни главного своего Человека, Мужчину и Художника. Армянин по рождению, европеец по духу, Гражданин Мира – по сути, он одарил меня чувством, о котором я знала по шедеврам музыки и поэзии с детства, не ведая, что это в Жизни еще великолепней. И дает смысл всему. И, конечно, полноту счастья. Потому, что главное – любить. Это – с тобой, в сердце твоём, в каждом вдохе и выдохе навечно! Что может быть лучше?

Питер, Армения, Тбилиси, Алматы...

Так Армения вошла в мою жизнь. Твоим отражением. И осталась навсегда.

